
ГЛАВА ВТОРАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Абсолютное — это единство внутреннего и внешнего как *первое, в-себе-сущее* единство. *Развертывание* являло себя как *внешнюю* рефлексю, которая со своей стороны имеет непосредственное как нечто найденное в наличии, но в то же время есть его движение и соотношение с абсолютным и, как таковое, возвращает его в абсолютное и определяет его просто как *способ*. Но этот способ есть определение самого абсолютного, а именно его *первое тождество* или его *лишь в себе сущее единство*. И притом эта рефлексия не только полагает то первое в-себе-бытие как лишенное сущности определение, но так как она отрицательное соотношение с собой, то лишь благодаря ей возникает указанный модус. Лишь эта рефлексия как снимающая самое себя в своих определениях и вообще как возвращающаяся в себя движение есть истинно абсолютное тождество, и в то же время она процесс определения абсолютного или его модальность. Модус есть поэтому внешнее абсолютного, но равным образом только как его рефлексия в себя; иначе говоря, он *собственное обнаружение* абсолютного, так что это проявление есть его рефлексия-в-себя и тем самым его в-себе-и-для-себя-бытие.

Таким образом, как *обнаружение* того, что абсолютное не более как обнаружение себя и не имеет другого содержания, абсолютное есть *абсолютная форма*. *Действительность* следует понимать как эту рефлексированную абсолютность. *Бытие* еще не действительно: оно первая непосредственность; его рефлексия есть поэтому становление и *переход в иное*; другими словами, его непосредственность не есть в-себе-и-для-себя-бытие. Действитель-

ность также выше *существования*. Существование есть, правда, непосредственность, возникшая из основания и условий, иначе говоря, из сущности и ее рефлексии. Поэтому *в себе* существование есть то же, что и действительность, *реальная рефлексия*, но еще не есть *положенное* единство рефлексии и непосредственности. Существование переходит поэтому в *явление*, развивая рефлексия, которую оно содержит. Оно основание, исчезнувшее в самом себе; его определение — это восстановление основания; так оно становится существенным отношением, и его последняя рефлексия состоит в том, что его непосредственность положена как рефлексия-в-себя и наоборот; это единство, в котором существование или непосредственность, и в-себе-бытие, основание или рефлексированное суть всецело моменты, и есть *действительность*. Действительное есть поэтому *обнаружение* себя; его внешнее не вовлекает его в сферу *изменения*, оно также не имеет *видимости* в *чем-то ином*; нет, оно обнаруживает себя; это значит, что в своем внешнем оно есть *оно само* и что лишь в *нем*, а именно лишь как отличающее себя от себя и определяющее себя движение оно есть *оно само*.

В действительности как в этой абсолютной форме моменты даны лишь как снятые или формальные, еще не реализованные моменты; их разность принадлежит, таким образом, прежде всего к внешней рефлексии и не определена как содержание.

Тем самым действительность как само *непосредственное* формальное единство внутреннего и внешнего обладает определением *непосредственности*, противоположным определению рефлексии в себя; иначе говоря, она некая *действительность в противоположность некоей возможности*. Соотношение обеих — это *третье*: действительное, определенное также как рефлексированное в себя бытие, и бытие, определенное в то же время как непосредственно существующее. Это *третье* — *необходимость*.

Но *во-первых*, так как действительное и возможное — это *формальные различия*, то их соотношение также лишь *формально* и состоит только в том, что как одно, так и другое есть *положенность*, иначе говоря, состоит в *случайности*.

А тем, что в случайности действительное, равно как и возможное, есть *положенность*, они приобрели определение в самих себе; благодаря этому возникает, *во-вторых*,

реальная действительность, а тем самым возникают также реальная возможность и относительная необходимость.

Рефлексия в себя относительной необходимости дает, *в-третьих, абсолютную необходимость, которая есть абсолютная возможность и действительность.*

А. СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ФОРМАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ФОРМАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ И ФОРМАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

1. Действительность формальна, поскольку она как первая действительность есть лишь *непосредственная, нерефлектированная действительность*, стало быть, поскольку ей присуще лишь это определение формы, но не как целокупность формы. Таким образом, она не более как *бытие* или *существование* вообще. Но так как она *по существу своему* не просто непосредственное существование, а дана как формальное единство в-себе-бытия или внутреннего и внешнего, то она содержит непосредственно *в-себе-бытие*, или *возможность. Что действительно, то возможно.*

2. Эта возможность есть рефлектированная в себя действительность. Но сама эта первая *рефлектированность* есть также формальное (*das Formelle*) и тем самым вообще лишь *определение тождества с собой* или в-себе-бытия вообще.

Но так как определение есть здесь *целокупность формы*, то это в-себе-бытие определено как *снятое* или как находящееся по существу своему лишь в соотношении с действительностью, как отрицательное действительности, *положенное* как отрицательное. Возможность содержит поэтому два момента: *во-первых*, тот *положительный* момент, что имеется рефлектированность в себе самое; но так как эта рефлектированность низведена в абсолютной форме до момента, то рефлектированность-в-себя уже не признается *сущностью*, а имеет, *во-вторых*, *отрицательное* значение, а именно то, что возможность есть нечто недостаточное, указывает на иное, на действительность, и восполняет себя в ней.

С первой, чисто положительной стороны возможность есть, следовательно, чисто формальное определение *тождества с собой* или форма сущности. Таким образом, она лишена отношения, неопределенное вместилище всего вообще. — В смысле этой формальной возможности

возможно все, что не противоречит себе; царство возможности есть поэтому безграничное многообразие. Но каждое многообразное *определено внутри себя и в противоположность иному* и имеет в самом себе отрицание; безразличная *разность* переходит вообще в *противоположение*; противоположение же есть противоречие. Поэтому *все* есть также нечто противоречивое и потому *невозможное*.

Вот почему это чисто формальное высказывание о чем-то, что *оно возможно*, столь же плоско и пусто, как и положение о противоречии, и каждое принятое в это высказывание содержание — *А возможно* — означает то же, что *А есть А*. Если не пытаются развить содержание, то оно имеет форму *простоты*; лишь посредством его разложения на его определения в нем появляется *различие*. Пока придерживаются простой формы, содержание остается чем-то тождественным с собой и потому чем-то *возможным*. Но этим так же *ничего* не сказано, как и формальным положением о тождестве.

Все же возможное содержит нечто большее, чем только положение о тождестве. Возможное — это *рефлектированная рефлектированность-в-себя* или тождественное всецело как *момент* целокупности; тем самым оно определено также как то, что *не есть в себе*; оно имеет поэтому второе определение — *быть лишь возможным* — и есть *долженствование* целокупности формы. Возможность без этого долженствования есть *существенность*, как таковая; но абсолютная форма означает, что сама сущность [есть] лишь момент и без бытия не имеет своей истины. Возможность есть эта чистая существенность, *положенная* так, что она лишь момент и не соответствует абсолютной форме. Она *в-себе-бытие*, определенное лишь как нечто *положенное* или равным образом как то, что *не есть в себе*. — Поэтому возможность есть в самой себе также противоречие, иначе говоря, она *невозможность*.

Это можно выразить прежде всего так: возможность как *определение формы, положенное снятым*, имеет в самой себе некоторое *содержание* вообще. Это содержание как возможное есть *в-себе-бытие*, которое в то же время есть *снятое в-себе-бытие*, или *инобытие*. Но так как оно только возможное содержание, то *возможно* также и *другое* содержание, в том числе и противоположное ему. *А есть А*; точно так же — *А есть — А*. Каждое из этих двух положений выражает возможность определения своего

содержания. Но как такие положения о тождестве они безразличны друг к другу; вместе с одним из них *не положено*, что добавляется другое. Возможность — это сравнивающее соотношение их обоих; в своем определении как рефлексии целокупности она включает в себе то, что противоположное также возможно. Поэтому она *основание* следующего соотношения: *так как $A = A$, то и $\neg A = \neg A$* ; в возможном A содержится и возможное $\neg A$, и именно само это соотношение определяет то и другое как возможное.

Но как это соотношение, при котором в одном возможном содержится и его иное, возможность есть снимающее себя противоречие. А так как она по своему определению есть то, что рефлексировано, и, как оказалось, есть снимающее себя рефлексированное, то она, стало быть, также и то, что непосредственно, и тем самым становится *действительностью*.

3. Эта действительность не первая, а рефлексированная действительность, *положенная как единство* самой себя и возможности. Действительное, как таковое, возможно; оно находится в непосредственном положительном тождестве с возможностью; но возможность определилась как *только* возможность; тем самым и действительное определено как *нечто только возможное*. И непосредственно потому, что возможность *непосредственно* содержится в действительности, она содержится в ней как снятая, как *только* возможность. Наоборот, действительность, находящаяся в единстве с возможностью, есть лишь снятая непосредственность; иначе говоря, именно потому, что формальная действительность есть лишь *непосредственная* первая действительность, она лишь момент, лишь снятая действительность или лишь *возможность*.

Тем самым выражено также более точно определение того, в какой мере *возможность есть действительность*. А именно, возможность еще не *всякая* действительность — о реальной и абсолютной действительности еще не было речи, — возможность это лишь действительность, которая имела сначала, а именно формальная действительность, определившаяся как *одна лишь* возможность. Речь идет, стало быть, о формальной действительности, которая есть лишь *бытие* или *существование* вообще. Все возможное имеет поэтому вообще некоторое *бытие* или некоторое *существование*.

Это единство возможности и действительности есть *случайность*. — Случайное — это нечто действительное, определенное в то же время лишь как возможное, иное которого или противоположность которого также *есть*. Вот почему эта действительность есть просто бытие или существование, но положенное в своей истине — иметь значение положенности или возможности. Наоборот, возможность как *рефлексия-в-себя* или *в-себе-бытие* положена как положенность; то, что возможно, есть нечто действительное в этом значении действительности; оно имеет лишь такое значение, как и случайная действительность; оно само нечто случайное.

Случайное представляет нам поэтому две стороны; *во-первых*, поскольку в нем *непосредственно* имеется возможность или, что то же самое, поскольку возможность в нем снята, оно *не положенность* и не опосредствовано, а есть *непосредственная* действительность; оно *не* имеет *основания*. — Так как эта непосредственная действительность присуща также возможному, то оно определено столь же как действительное, сколь и как случайное и равным образом *не имеет основания*.

Но случайное, *во-вторых*, — это действительное как нечто *лишь* возможное или как *положенность*; точно так же и возможное как формальное *в-себе-бытие* есть лишь положенность. Тем самым и то и другое не есть в себе и для себя самого, а имеет свою истинную рефлексию-в-себя в чем-то ином, *другими словами, оно имеет основание*.

Следовательно, случайное не имеет основания потому, что оно случайно; и точно так же оно имеет основание, потому что оно случайно⁸⁴.

Оно *положенное*, непосредствованное взаимное *превращение* (Umschlagen) внутреннего и внешнего или рефлексированности-в-себя и бытия, — *положенное* тем, что возможность и действительность, каждая в самой себе, имеет это определение, тем, что они моменты абсолютной формы. — Таким образом, в своем *непосредственном* единстве с возможностью действительность есть лишь существование и определена как нечто не имеющее основания, что *только положено* или *только* возможно; или если взять ее как рефлексированную и определенную действительность в *противоположность* возможности, то она отделена от возможности, от рефлексированности-в-себя и тем

самым столь же непосредственно есть также лишь возможное. — Равным образом возможность как *простое* в-себе-бытие есть нечто непосредственное, *лишь* нечто сущее вообще; или если взять ее *противоположной* действительности, то она также лишенное действительности в-себе-бытие, *лишь* нечто возможное, но именно потому она опять-таки лишь нерефлектированное в себя существование вообще.

Это *абсолютное беспокойство становления* обоих определений есть *случайность*. Но именно потому, что каждое из них непосредственно превращается в противоположное, оно в противоположном так же всецело *сливается с* самим собой, и это *тождество* каждого из них в другом есть *необходимость*.

Необходимое есть нечто *действительное*; будучи таковым, оно дано как непосредственное, как *не имеющее основания*; однако в такой же мере оно имеет свою действительность *благодаря чему-то иному* или в своем основании, но в то же время оно положенность этого основания и его рефлексия в себя; возможность необходимого есть снятая возможность. Следовательно, случайное необходимо потому, что действительное определено как возможное, тем самым его непосредственность снята, оттолкнута так, что она распадается на *основание* или *в-себе-бытие* и на *основанное*, а также потому, что эта его *возможность, отношение основания*, всецело снята и положена как бытие. Необходимое *есть*, и это сущее *само* есть *необходимое*. В то же время оно *в себе*; эта рефлексия-в-себя есть *иное*, чем та непосредственность бытия; и необходимость сущего есть *нечто иное*. Само сущее не есть, таким образом, необходимое; но это в-себе-бытие само лишь положенность; оно снято и само непосредственно. Таким образом, действительность в отличном от нее — в возможности — тождественна с самой собой. Как это тождество она необходимость.

В. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ И РЕАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

1. Та необходимость, которая выявилась [здесь], *формальна*, так как ее моменты *формальны*, а именно, они простые определения, которые составляют целокупность,

лишь будучи непосредственным единством или непосредственным превращением одного в другое, и, стало быть, не имеют формы (Gestalt) самостоятельности. — Вот почему в этой формальной необходимости единство прежде всего просто и безразлично к своим различиям. Как *непосредственное* единство определений формы эта необходимость есть *действительность*, но такая действительность, которая — так как ее единство теперь *определено как безразличное к различию* определений формы, а именно ее самой и возможности, — имеет *содержание*. Содержание как безразличное тождество имеет также форму как безразличную, т. е. просто как *разные* определения, и есть *многообразное* содержание вообще. Эта действительность есть *реальная действительность*.

Реальная действительность, *как таковая*, — это прежде всего вещь со многими свойствами, существующий мир; но она не то существование, которое растворяется в явлении, а как действительность она в то же время в-себе-бытие и рефлексия-в-себя; она сохраняется в многообразии простого существования; ее внешнее — это внутреннее отношение лишь *к себе* самой. То, что действительно, *может действовать*; свою действительность нечто выказывает *через то, что оно производит*. Его отношение к иному — это обнаружение *себя*: не переход — в этом случае сущее нечто соотносится с иным — и не явление — такова вещь лишь в отношении к другим вещам; то, что действительно, есть нечто самостоятельное, однако свою рефлексю-в-себя, свою определенную существенность имеет в чем-то другом самостоятельном.

Реальная действительность теперь равным образом имеет *возможность* непосредственно *в самой себе*. Она содержит момент в-себе-бытия; но как еще только *непосредственное* единство она отличена *одним* из определений формы и тем самым отличена как сущее от в-себе-бытия или возможности.

2. Эта возможность как в-себе-бытие *реальной* действительности сама есть *реальная возможность*, есть прежде всего *содержательное* в-себе-бытие. — Формальная возможность — это рефлексия-в-себя лишь как абстрактное тождество, заключающееся в том, что нечто внутренне не противоречит себе. Но когда начинают изучать определения, обстоятельства, условия той или иной сути дела, чтобы из этого познать ее возможность, то уже не доволь-

ствуются формальной возможностью, а рассматривают реальную возможность сути дела.

Эта реальная возможность сама есть *непосредственное существование*, но уже не потому, что возможность, как таковая, как формальный момент есть непосредственно своя собственная противоположность, нерефлектированная действительность; нет, именно потому, что она *реальная* возможность, она с самого начала имеет это определение в самой себе. Реальная возможность сути дела есть поэтому налично сущее многообразие относящихся к ней обстоятельств.

Следовательно, хотя это многообразие наличного бытия и есть и возможность, и действительность, все же их тождество — это еще только *содержание*, безразличное к этим определениям формы; они составляют поэтому *форму, определенную* в противоположность их тождеству. — Иначе говоря, *непосредственная* реальная действительность именно потому, что она непосредственная, определена в противоположность своей возможности; как эта определенная, стало быть, рефлектированная действительность она *реальная возможность*. Хотя реальная возможность и есть положенное *целое* формы, но формы в ее определенности, а именно действительности как формальной или непосредственной и равным образом возможности как абстрактного в-себе-бытия. Эта действительность, составляющая возможность той или иной сути дела, есть поэтому не *своя собственная возможность*, а в-себе-бытие чего-то *другого* действительного; сама она такая действительность, которая должна быть снята, возможность как *лишь* возможность. — Таким образом, реальная возможность составляет *все условия в целом*, нерефлектированную в себя, рассеянную действительность, определенную, однако, как в-себе-бытие, но чего-то иного, и как должнствующую возвратиться в себя.

Следовательно, то, что реально возможно, есть со стороны своего *в-себе-бытия* нечто формально тождественное, что со стороны своего *простого* определения содержания не противоречит себе; но и по своим развитым и различным обстоятельствам, и по всему тому, с чем оно связано, оно как то, что тождественно с собой, не должно противоречить себе. Но *во-вторых*, так как оно многообразно внутри себя и находится с иным в многообразной связи, разность же в себе самой переходит в противополо-

жение, то оно нечто противоречивое. Когда речь идет о возможности и должно вскрыть ее противоречие, то достаточно держаться многообразия, которое она заключает в себе как содержание или как свое обусловленное существование; из этого легко выявить ее противоречие. — Но это не противоречие сравнения; многообразное существование *в себе самом* состоит в том, что оно снимает себя и исчезает в своем основании и тем самым ему неотъемлемо присуще определение — быть *лишь чем-то возможным*. — Когда все условия сути дела полностью налицо, тогда она вступает в действительность; полнота условий — это целокупность как целокупность применительно к содержанию, и *сама суть дела* есть это содержание, определенное и как нечто действительное, и как возможное. В сфере обусловленного основания условия имеют форму — именно основание или для себя сущую рефлексию — *вовне себя*, и эта рефлексия соотносит их как моменты сути дела и порождает *в них* существование. Здесь же непосредственная действительность не определена как условие предполагающей рефлексией, а положено, что сама она возможность.

Итак, в снимающей себя реальной возможности снимается нечто двойное, ибо она сама двойное: и действительность, и возможность. 1) Действительность — это формальная действительность, или существование, которое являло себя как самостоятельное непосредственное существование и благодаря своему снятию становится рефлектированным бытием, моментом чего-то иного, тем самым обретая в самом себе *в-себе-бытие*. 2) Указанное существование было также определено как *возможность* или как *в-себе-бытие*, но *в-себе-бытие* чего-то иного. Следовательно, когда происходит это снятие, тогда и это *в-себе-бытие* снимается и переходит в *действительность*. — Это движение снимающей самое себя реальной возможности порождает, следовательно, *те же самые уже имеющиеся моменты*, но так, что каждый из них возникает из другого; вот почему оно в этом отрицании и есть не *переход*, а *слияние с самим собой*. — Согласно формальной возможности, если нечто было возможно, то поэтому было возможно также и не *оно само*, а его *иное*. Реальная возможность уже не имеет противостоящим себе *такого иного*, ибо она реальна, поскольку она сама есть также и действительность. Следовательно, когда *непосредственное существование* этой возможности, круг условий, снимает

себя, она делается *в-себе-бытием*, а сама она уже есть в-себе-бытие, а именно как *в-себе-бытие* чего-то иного. И наоборот, так как ее момент в-себе-бытия тем самым также и снимает себя, то она становится действительностью, следовательно, моментом, а сама она равным образом есть уже момент. — Тем самым исчезает то обстоятельство, что действительность была определена как возможность или в-себе-бытие чего-то *иного* и что, наоборот, возможность была определена как действительность, которая *не есть та* действительность, возможностью которой она есть.

3. Стало быть, *отрицание* реальной возможности — это *ее тождество* с собой; будучи, таким образом, в своем снятии самоотталкиванием этого снятия внутрь самого себя, отрицание реальной возможности есть *реальная необходимость*.

То, что необходимо, *не может быть иным*; но то, что вообще *возможно*, вполне может быть иным; ибо возможность — это в-себе-бытие, которое есть только положенность и потому по существу своему — инобытие. Формальная возможность есть это тождество как переход во всецело иное; реальная же возможность, так как она имеет в самой себе другой момент, действительность, уже сама есть необходимость. Вот почему то, что реально возможно, уже не может быть иным; при таких-то условиях и обстоятельствах не может последовать нечто иное. Реальная возможность и необходимость различны поэтому лишь *по видимости*; необходимость — это *тождество*, которое не становится еще, но уже *пред-положено* (*vorausgesetzt*) и лежит в основании. Реальная необходимость есть поэтому *содержательное* отношение, ибо содержание — это то в-себе-сущее тождество, которое безразлично к различиям формы.

Но эта необходимость в то же время *относительна*. — А именно, она имеет *предпосылку* (*Voraussetzung*), с которой она начинает, свой *исходный пункт* она имеет в *случайном*. Реально действительное, как таковое, есть именно *определенное* действительное и имеет свою *определенность* как *непосредственное бытие* прежде всего в том, что оно многообразие существующих обстоятельств; но это непосредственное бытие как определенность есть также и свое *отрицательное*, есть в-себе-бытие или возможность; как такое оно реальная возможность. Как это

единство обоих моментов она целокупность формы, но еще внешняя себе целокупность; она единство возможности и действительности таким образом, что: 1) многообразное существование есть непосредственно или положительно возможность, есть нечто возможное (тождественное с собой вообще) потому, что существование есть нечто действительное; 2) поскольку эта возможность существования положена, она определена как лишь возможность, как непосредственное превращение действительности в свою противоположность, иначе говоря, как случайность. Вот почему эта возможность, в которой как в условии имеется непосредственная действительность, есть лишь в-себе-бытие как возможность чего-то иного. Тем, что, как показано, это инобытие снимает себя и эта положенность сама оказывается положенной, реальная возможность становится, правда, необходимостью, однако необходимость тем самым начинает с указанного выше еще нерелектризованного в себя единства возможного и действительного; это пред-положение и возвращающееся в себя движение еще разделены; иначе говоря, необходимость еще не определила себя из самой себя как случайность.

Относительность реальной необходимости представлена в содержании таким образом, что оно еще только безразличное к форме тождество и поэтому отлично от нее и есть определенное содержание вообще. Ввиду этого реально необходимое есть какая-то ограниченная действительность, которая из-за этой ограниченности есть в другом отношении также лишь случайное.

Стало быть, реальная необходимость в себе есть на самом деле также случайность. — Это являет себя прежде всего таким образом, что хотя реально необходимое и есть по форме нечто необходимое, но по содержанию оно нечто ограниченное, и содержание это придает ему характер случайного. Однако и в форме реальной необходимости содержится случайность, ибо, как оказалось, реальная возможность лишь в себе есть необходимое, положена же она как инобытие действительности и возможности по отношению друг к другу. Реальная необходимость содержит поэтому случайность; она возвращение в себя из указанного беспокойного инобытия действительности и возможности по отношению друг к другу, но она не возвращение к себе из самой себя.

Следовательно, *в себе* здесь имеется единство необходимости и случайности; это единство следует назвать *абсолютной действительностью*.

С. АБСОЛЮТНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Реальная необходимость — это *определенная* необходимость; в формальной необходимости еще нет никакого содержания и никакой определенности. *Определенность* необходимости состоит в том, что в ней имеется ее отрицание, случайность. Такой она оказалась.

Но эта определенность в *своей первой простоте* есть действительность; *определенная* необходимость есть поэтому непосредственно *действительная* необходимость. Эта действительность, *которая сама, как таковая, необходима*, поскольку содержит необходимость как свое *в-себе-бытие*, есть *абсолютная действительность*, действительность, которая уже не может быть иной, [чем она есть], ибо ее *в-себе-бытие* — это не возможность, а сама необходимость.

Но тем самым эта *действительность*, ввиду того что она положена как *абсолютная*, т. е. *сама* положена как *единство себя и возможности*, — это лишь *пустое* определение; иначе говоря, она *случайность*. — Эта *пустота* ее определения делает ее *чистой возможностью*, чем-то таким, что в такой же мере может быть также и *иным*, [чем оно есть], и что может быть определено как возможное. Но эта возможность сама есть *абсолютная* возможность, ибо она как раз возможность быть определенной и как возможность, и как действительность. Тем, что она такое безразличие к самой себе, она положена как *пустое, случайное* определение.

Таким образом, реальная необходимость содержит случайность не только *в себе*, случайность также *становится* в ней; но это *становление* как то, что внешне, само есть лишь *в-себе-бытие* этой необходимости, так как оно лишь *непосредственно определено* (*ist ein unmittelbares Bestimmtsein*). Но оно не только таково, оно *собственное* становление *необходимости*, иначе говоря, *пред-положение*, которое она имела, есть ее собственное полагание. Ибо как реальная необходимость она снятость действительности в возможности, и наоборот; поскольку она это *простое превращение* одного из этих моментов в другой, она также их простое *положительное единство*, так как каждый из

них, как оказалось, *сливается* в другом лишь с *самим собой*. Но таким образом она *действительность*, однако такая действительность, которая дана лишь как это простое слияние формы с самой собой. Отрицательное полагание ею этих моментов тем самым само есть *пред-положение*, иначе говоря, полагание *ее самой как снятой* или полагание *непосредственности*.

Но именно этим указанная действительность определена как отрицательное; она слияние с собой [как выхождение] из той действительности, которая была реальной возможностью; следовательно, эта новая действительность возникает лишь из своего в-себе-бытия, из *отрицания самой себя*. — Тем самым она в то же время непосредственно определена как *возможность*, как то, *что опосредствовано* своим отрицанием. Однако эта возможность тем самым есть непосредственно не что иное, как *тот процесс опосредствования*, в котором в-себе-бытие (т. е. она сама) и непосредственность одинаково суть *положенность*. — Таким образом, именно необходимость есть в такой же мере снятие этой положенности или полагание *непосредственности* и *в-себе-бытия*, в какой она именно поэтому есть *процесс определения* этого снятия как *положенности*. Вот почему *она сама* определяет себя как *случайность*, отталкивает себя в своем бытии от себя, в самом этом отталкивании лишь возвратилась в себя и в этом возвращении как в своем бытии оттолкнула себя от самой себя.

Так *форма*, реализуя себя, проникла собой все свои различия и сделалась прозрачной, и как *абсолютная необходимость* она лишь это простое *тождество бытия с самим собой в своем отрицании* или в *сущности*. — Само различие между *содержанием* и *формой* также исчезло, ибо указанное единство возможности в действительности и наоборот — это *форма*, безразличная к самой себе в своей определенности или в положенности, — *содержательная суть дела*, для которой форма необходимости была чем-то внешним. Но таким образом она это *рефлектированное тождество* обоих определений как *безразличное* к ним, тем самым она формальное определение *в-себе-бытия* в противоположность *положенности*, и эта возможность составляет ограниченность содержания, которым обладала реальная необходимость. Растворение же этого различия есть абсолютная необходимость, содержание которой составляет это различие, проникающее себя в ней.

Следовательно, абсолютная необходимость — это истина, в которую возвращаются действительность и возможность вообще, равно как и формальная и реальная необходимость. — Абсолютная необходимость, как оказалось, — это бытие, которое в своем отрицании, в сущности, соотносится с собой и есть бытие. Она в такой же мере простая непосредственность или *чистое бытие*, в какой и простая рефлексия-в-себя или *чистая сущность*. Она такова, потому что то и другое есть одно и то же. — Всецело необходимое *есть* лишь потому, что оно *есть*; помимо этого оно не имеет ни условия, ни основания. — Но оно также и чистая *сущность*; его *бытие* — это простая рефлексия в себя; оно *есть*, потому что оно *есть*. Как рефлексия оно имеет основание и условие, но основанием и условием имеет лишь себя. Оно в-себе-бытие, но его в-себе-бытие — это его непосредственность; его возможность — это его действительность. — Следовательно, оно *есть*, потому что оно *есть*; как *слияние* бытия с собой оно сущность; но так как это простое *есть* также непосредственная простота, то оно *бытие*.

Таким образом, абсолютная необходимость — это *рефлексия или форма абсолютного*, единство бытия и сущности, простая непосредственность, которая есть абсолютная отрицательность. Поэтому имеющиеся в ней различия, с одной стороны, даны не как рефлексивные определения, а как *сущее многообразие*, как различенная действительность, имеющая облик противоположных друг другу самостоятельных иных. С другой стороны, так как их соотношение есть абсолютное тождество, то она *абсолютное превращение* их действительности в их возможность и их возможности в действительность. — Абсолютная необходимость поэтому *слепая*⁸⁵. С одной стороны, различные [в ней моменты], определенные как действительность и как возможность, имеют облик *рефлексии-в-себя* как *бытия*; поэтому они оба даны как *свободные действительности*, из которых *ни одна не отвечает в другой*, ни одна не желает обнаруживать в самой себе след своего соотношения с другой; имея свое основание внутри себя, каждая из них в самой себе есть необходимое. Необходимость как *сущность* замкнута в этом *бытии*; взаимное соприкосновение этих действительностей являет себя поэтому как пустое внешнее; действительность *одного в другом* есть *лишь* возможность, *случайность*. Ведь бытие положено как

абсолютно необходимое, как опосредствование с собой, которое есть абсолютное отрицание опосредствования иным, или как бытие, которое тождественно лишь с бытием; поэтому *иное*, имеющее действительность в *бытии*, определено как всецело *лишь возможное*, как пустая положенность.

Но эта *случайность* есть скорее абсолютная необходимость; она *сущность* тех свободных, необходимых в себе действительностей. Эта сущность *боится света*, так как в указанных действительностях нет *отсвечивания*, нет отражения (Reflex), так как они имеют свое основание исключительно лишь внутри себя, сформированы сами по себе, обнаруживают себя лишь *самим себе*, — так как они лишь *бытие*. — Но их *сущность* пробьется в них и выявит, что такое *она* и что такое *они*. *Простота* их бытия, их самодовления (Beruhen auf sich) есть абсолютная отрицательность; она *свобода* их непосредственности, лишенной всякого отсвечивания. Это отрицательное пробивается в них, так как благодаря этой своей сущности бытие есть противоречие с самим собой, а именно противоречие с этим бытием в форме бытия, следовательно, как такое *отрицание* этих действительностей, которое *абсолютно отличается* от их бытия, как их *ничто*, как столь же *свободное* в отношении их *инобытие*, сколь свободно их бытие. — Тем не менее наличие в них этого инобытия нельзя было не признать. В своих самодовлеющих образованиях они безразличны к форме, они *содержание* и тем самым *различные* действительности и *определенное* содержание. Это содержание есть печать (Maal), которую наложила на них необходимость (в своем *определении* она есть абсолютное возвращение в себя самое), высвободив их как абсолютно действительные, — печать, на которую она ссылается как на свидетеля своего права и отмеченные которой они уничтожаются. Это обнаружение того, что *определенность* есть поистине — [а именно] отрицательное соотношение с самой собой — есть *совершающееся вслепую* исчезновение в инобытии; пробивающееся здесь *отражение* (Scheinen) или *рефлексия* выступает в *сущем* как *становление* или *переход* бытия в ничто. Но и наоборот, *бытие* есть также *сущность*, а *становление* — *рефлексия* или *отражение*. Таким образом, внешнее есть их внутреннее, а их соотношение — абсолютное тождество, *переход* же действительного в возможное, бытия в ничто есть *слияние с самим*

собой; случайность есть абсолютная необходимость, она сама есть предположение тех первых абсолютных действительностей.

Это тождество бытия в его отрицании с самим собой есть субстанция. Оно есть это единство как в своем отрицании или как в случайности; таким образом, оно субстанция как отношение к самому себе. Совершающийся вслепую переход необходимости [в случайность] — это скорее собственное развертывание абсолютного, его внутреннее движение, так что абсолютное, становясь внешним, скорее обнаруживает само себя⁸⁶.